

КОНТРАРНЫЙ ПРИНЦИП СТРУКТУРИРОВАНИЯ КОМПОЗИТНЫХ ПЕРФОРМАТИВОВ

Л.А. Романова

В работе выделены принципы векторной контрастности (двойственности) отношений, формирующих когнитивную основу композитной конструктивности. Описаны особенности конструктивной оппозитивности и зафиксированы вербальные проявления типовых модальных диспозиций «Я» говорящего субъекта как когнитивного агента. Установлено, что особенности конструктивной оппозитивности сказываются на характерных проявлениях модальных диспозиций «Я» говорящего, которые отражают когнитивную природу композитных перформативов, опирающихся на композитное сочленение «перформативного элемента и дополнительных строевых компонентов» в виде матричной модели: ПЭ + ДСК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перформативное высказывание, перформативное поведение, перформативная практика, композитный перформатив, контрастный принцип, когнитивный конструкт, перформативно-композитный комплекс

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии Тверского государственного университета. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романова Л.А. Контрастный принцип структурирования композитных перформативов [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 4. – С. 67–87. Режим доступа: www.tverlingua.ru

CONTRASTING PRINCIPLE OF COMPOSITE PERFORMANCE STRUCTURING

Larisa A. Romanova

The article marks out the principles of vector contrast (duality) relations, which form the cognitive basis of composite constructiveness. Features of constructive opposite positivity are described and verbal manifestations of typical

modal postures «I» of the talking subject as cognitive agent are fixed. It has been determined that the features of constructive oppositeness affect the characteristic manifestations of modal postures of «I» speaker, which reflect the cognitive nature of composite performances based on composite articulation «performance element and additional drill components» in the form of a matrix model: PE + DSK.

KEY WORDS: performative statement, performance behavior, performance practice, composite performer, contrasting principle, cognitive construct, performance composite complex

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair of pre-school pedagogy and psychology of Tver State University. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanova L.A. Contrasting principle of composite performance structuring [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 4. – P. 67–87. Access mode: www.tverlingua.ru

Предлагаемый в работах автора (Романова, 2006; 2007; 2021) механизм выделения категоризационных параметров членов криптокласса композитных перформативов позволяет объяснить процесс *структурирования внешнего мира природы и внутреннего мира человека*, реализуемый посредством «бинарных оппозиций» – день и ночь, друг – враг, солнце и луна, свет и тьма, большой и маленький и т.п. Оппозициональная бинарность или *контрарность* структурирования реальности любого порядка не сводимы только к отношению между противоположностями и структур с такими отношениями. Контрарность (бинарность) не является также и коррелятом противоречия, поскольку последнее охватывают, главным образом, отношения противостояния, противопоставления, конфликта. Но, как известно, между противоположностями могут существовать другие отношения, например, согласованность, взаимодополняемость, гармония. Поэтому понятие контрарности представляет собой термин более широкого порядка, включающий в себя и

вышепоименованные типы отношений. Это позволяет утверждать, что контражность является собой универсальное свойство реальности, заключающееся в повсеместном наличии противоположностей и воплощающееся в бинарных структурах, которые имеют вид «феномен - контрфеномен» или «свойство-контрсвойство». Кстати сказать, о специфике процесса структурирования мира вещей реальной действительности, например в диахроническом аспекте, отмечал У. Воррингер, который указал на наличие контражности между «спазматической чувственностью» средневекового человека и его «утонченной истерией», которые в целом (т.е. в своем единстве, в целостности конструкта «феномен – контрфеномен / свойство – контрсвойство») присущи готическому феномену средневековья в целом (Worringer, 1967: 86; Романова, 2006; 2007: 52–60).

К этому следует добавить, что в философской литературе, как, впрочем, и в других различных сферах наук функционально - конструктивистского направления и по сей день противостояния начал (естественных, социальных или личностных), *противоположности* («противолежания») *смыслов* представляются именно парными категориями, например – материя и сознание, материальное и идеальное, личность и общество, внутреннее и внешнее, интуиция и разум, большое и малое, эксплицитное - имплицитное. Кстати сказать, в математике и физике, например, без парных категорий обойтись достаточно сложно, ср.: числа отрицательные и положительные, действительные и мнимые, действие и противодействие, притяжение и отталкивание (Герасимова, 2006: 90).

Очевидно, что *взаимодействие противоположных начал*, к которым в полной мере можно отнести параметры объема перформативных действий (перформативного речевого поведения) исследуемого криптокласса (т.е. неявно выраженного класса или класса без четких границ), может свидетельствовать о том, что развитое логическое мышление *раскрывает оппозиции*, внося определенность в рассуждения и запрет на противоречивость. При этом, однако, отмечается, что в эмоционально-образном мышлении противо-

речивые элементы вполне естественно уживаются друг с другом (подробнее см.: Романова, 2007: 52–60).

Это естественное «уживание» предполагает несколько иное прочтение тезиса о дологическом мышлении древних народов в области древней систематики вещей реального мира. Но если в диалектике шла речь о законе единства и борьбы противоположностей, то уже работах по формальной логике, говорится о «принципе противоречия», а в настоящее время активно обсуждаются *«принцип двойственности»*, согласно которому *противоположные начала действуют в рамках единого целого*, *«принцип недвойственности»* и *«принцип дополнительности»*, устанавливающий, что противоположные начала – на внешнем уровне – суть проявления нейтральной, скрытой, единой силы – внутреннего уровня в представлении о структурной систематике вещей реального мира, т.е. о систематике мышления и конструктивности воображения и познания мира.

Чтобы лучше понять принцип «естественного «уживания» в контексте дологического мышления древних народов в области древней систематики вещей реального мира, уместно сделать некоторое отступление и обратиться к специфическому толкованию категориального восприятия вещей, событий и явлений у логика Л. Кэррола в его произведении «Алиса в Стране Чудес», которое (толкование) представлено в работе Жюль Делеза «Логика смысла» (1995), где он пишет: «Когда я говорю: «Алиса увеличивается», – я полагаю, что она становится больше, чем была. Но также верно, что она становится меньше, чем сейчас. Конечно, она не может быть больше и меньше в одно и то же время. Сейчас она больше, до того была меньше. Но она становится больше, чем была, и меньше, чем стала, в один и тот же момент». Далее автор отмечает, что именно «в этом суть одновременности становления (*категориального восприятия*, добавим мы – Л.Р.), основная черта которого – «ускользнуть от настоящего». Именно из-за такого «ускользания от настоящего» становление не терпит никакого разделения или различия на до и после, на прошлое и будущее. *Сущность становления – движение, растягивание в*

двух смыслах - направлениях сразу (т.е. одновременно; вспомним взаимодействие локутивного и иллюкутивного аспектов в структуре перформативного речевого акта – Л.Р.): Алиса не растет, не сжимаясь, и наоборот. Здравый смысл утверждает, что «у всех вещей есть четко определенный смысл» (Делез, 1995: 15–19).

Действительно, еще Платон предлагал различать два измерения: 1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств – постоянных или временных, – всегда предполагающих паузы и остановки, фиксацию настоящего и указывание на предмет: выделенный предмет со свойственной ему величиной в данный момент времени; а затем – 2) чистое становление *вне какой-либо меры*. Сказанное созвучно известному принципу дуализма. По Платону – «Ни более теплое, ни более холодное, принявши определенное количество, не были бы больше таковыми, так как они непрестанно движутся вперед и не остаются на месте, определенное же количество пребывает в покое и не движется дальше»; «младшее – старше старшего, а старшее – моложе младшего. Но стать таковыми они не могут, потому что, *если бы они стали, то уже не становились бы, а были бы*» (Платон, Филеб, 2411; Парменид, 154-155; цит по: Делез, 1995). Но, как отмечает Ж. Делез, «это вовсе не дуализм интеллектуального и чувственного, Идеи и материи, Идей и тел. Это более глубокая, более таинственная двойственность, скрытая в самих чувственных и материальных телах – подземный дуализм между тем, на что Идея воздействует, и тем, что избегает ее воздействия» (Делез, 1995: 15–19).

Ж. Делез добавляет: «сам Платон иногда сомневается, не находится ли такое чистое становление в совершенно особом отношении с языком. В этом, видимо, основной смысл Кратила (Платон: Кратил: 437; цит. по: Делез, 1995). Может быть, такое отношение *становится существенным для языка как раз в случае «потока» речи или неуправляемого дискурса*, непрерывно скользящего по своему референту? И нет ли вообще двух языков или, скорее, двух типов «имен»: *один обозначает паузы и остановки, испытывающие*

воздействие Идеи, другой выражает движение и мятежное становление? (Платон: Кратил: 437; цит. по: Делёз, 1995). Или даже так: «нет ли двух разных измерений, внутренних для языка как такового, – одно всегда заслонено другим и, тем не менее, постоянно приходит «на помощь» соседу или паразитирует на нем? Именно язык фиксирует эти пределы (например, конкретный момент, когда начинается избыток). Но также именно язык переступает эти пределы, разрушая их в бесконечной эквивалентности неограниченного становления» (Делёз, 1995: 19; см. также: Романова, 2006; 2007; выделено курсивом – Л.Р.).

Даже при беглом рассмотрении особенностей конструктивного стиля мышления говорящего субъекта в цивилизационный период жизни человечества нельзя не заметить, что определенная (например, числовая) организация мышления ведет к структуризации внутренних представлений и определенному видению, прочтению событий и явлений внешнего мира. Конструктивный стиль – это не только структурированная систематика как некоторая сущность, организующая мир и человека, но и то, что организует познание, творчество, т.е. *действие как единицу деятельности*.

Так, например, числовой организации мышления свойственны целостность и единство, т.е. то, что присуще понятию «монада» как единицы у криптокласса прилагательных размера. Монаду как символ целостности и единства связывают с понятием «центра мира», перводвигателем, неподвижной непроявленной *точкой*, обладающей творческой силой. Она как целостность поддерживается такими когнитивными структурами, как «целостный образ», дающий возможность схватывать ситуацию в целом, *смысловой код* – свернутое состояние информации, имеющее потенцию переходить в развертывающуюся внешнюю речь, *интуиция* (предпонимание, озарение) – довербальное схватывание смысла, глубинная настройка на решение проблемы» (Герасимова, 2006: 91).

В аспекте предлагаемого исследования монада как целостная единица в композитно-перформативном комплексе обеспечивает способность выделять

объекты, явления и идеи как целостность, единство во множестве. В этом плане Дж.Г. Беннет отмечает: «Монада определяет содержание – особые качества предмета или ситуации, которые делают ее непохожей на все остальное. Монада позволяет нам распознать реальные предметы нашей жизни – особые целые, опыты, события и процесс, которые делают жизнь именно такой, какой она есть» (Беннет, 2001: 24). В психологии этот тип мышления называется контекстуально-независимым мышлением. В эпистемологическом аспекте монада-целостность обеспечивает способность держать цель до конца, до завершения действия когнитивного агента, что осуществимо при развитой способности к концентрации.

В эпистемологическом аспекте (аспекте познания) разделение на субъект (субъективную реальность когнитивного агента) и объект (объективную реальность, существующую независимо от познающего субъекта или когнитивного агента), можно представлять как отражение «объективной истины» в ходе познавательного процесса (см.: Артемьева, 1999; Герасимова, 2006). В этом, как полагают исследователи, и заключается смысл антиномии («противостояние основе») как принципа познания, которая (антиномия) в иерархической системе мыслится как противостояние сущности (подлинной реальности) и явления (ее отражения в мире вещей и сознании человека). В языке эпистемологии следующие парные понятия отражают этот принцип: сущность – явление, внутреннее – внешнее, интуитивное – логическое, чувственное – рациональное, теоретическое – эмпирическое, бессознательное – сознательное, акциональность (перформатив) – константность (констатив) и пр.

Структурирование мира бинарными оппозициями чаще всего выражается через *принцип корреляции* и его следствия: *одно не существует без другого*. Примечательно, что универсальный принцип корреляции имеет частные следствия, которые можно выразить через определенные принципы, например: если задействуется одно противоположное начало (например, «смена отношений»), то проявляется и другое начало («фиксация существующих отношений») – *принцип активизации*. Принцип активизации опре-

деляет, что всякое действие предполагает противодействие и противоположное может проявляться в ином измерении реальности, отражая отношения оппозиции глубинного и поверхностного, внутреннего и внешнего. Дополнением к *принципу активизации* может служить **принцип аннигиляции**, определяющий, что *если иссякает одно противоположное начало, то не будет и другого*. В нашем случае это означает, что если вообще не существует перформативного употребления (перформативного поведения субъекта), то, конечно же, не существует и констативного употребления языковых единиц.

Другими словами, если один из признаков в перформативно - композитном комплексе нивелируется, то его противоположное начало либо исчезнет, либо перейдет в какое-то иное атрибутивное качество. Основная функция *принципа аннигиляции* сводится к тому, что ее проявление снимает напряжение между двумя бинарными оппозициями и тогда наблюдается переход в пассивное состояние, выход за пределы действия противоположных начал. Вероятно, по этой причине и обнаруживается исчезновение из активного лексикона когнитивного агента ряда слов, первоначально признанных (и призванных) выражать суть оппозиционного характера величины объема иллюкутивного потенциала в случаях, которые Зено Вендлер назвал «иллюкутивным самоубийством» (Вендлер, 1985).

Названный принцип, однако, обуславливает и проявление другого принципа взаимоотношений между бинарными оппозициями, который называется **принципом поляризации**: если усиливается крайнее проявление одного из противоположных начал, то усиливается и крайнее проявление другого противоположного начала.

Примечательно, что и в данном случае принцип корреляции проявляет себя в двух следующих аргументах: аргумент от корреляции, представляющий собой типичную апелляцию к языку (к логике), и аргумент от антиномии, апеллирующий к познавательному опыту. И тогда получается, что, с одной стороны, уже в самом языке укоренена привычка мыслить противоположностями, а с другой стороны, сам познавательный опыт (когниция) не

мыслится при известном ходе рассуждений без различения оппозиций. Действительно, практически невозможно познать и оценить, что такое *большое* (большой дом, большой камень и т.п.), не сравнивая, не зная, что такое *маленькое* (маленький дом, маленький камень и т.п.).

Однако сложность вопроса заключается в том, что реализация выбора бинарных оппозиций (т.е. какого-либо одного члена оппозиции) связана не только с проявлением диалектических стратегий в деятельности когнитивного агента, но и с проявлением формально-логических стратегий в его деятельности, отражая его логический, аналитический стиль, в основе которого лежит так называемый принцип *«противоречивой противоположности»* или, проще говоря, принцип «противоречия»: *возникновение одного противоположного начала означает устранение другого начала* (Герасимова, 2006: 96). Ср. выражение в киберпространстве Интернета: «Если ты создаешь друга, то «стираешь» врага».

Очевидно, что названные выше принципы оппозитивности параметров иллюкативного объема комплексных перформативных образований, представленных криптоклассом композитных перформативов, реализуют противоположные начала в практической жизнедеятельности когнитивного агента как говорящего субъекта, которые разделяются и мыслятся как изолированные. Разделение оппозиций и выбор между ними в практической жизнедеятельности когнитивного агента лежит в основе логических, рациональных стратегий и доказательств (истинности) перформативного поведения (действий) говорящего субъекта. В этой связи напомним, что классическая (формальная) логика в качестве базовых оценок выбора того или иного признака (действия) включает прежде всего противоположные понятия «истинно» и «ложно», а, как известно, перформативное поведение говорящего субъекта как когнитивного агента всегда должно быть только «истинным».

Классический подход в этом плане рассматривает такие ситуации, относительно которых когнитивный агент может с достаточной степенью определенности утверждать «да» или «нет», «истинно» или «ложно». С этих

позиций четко определяется различие между противоречием (контрадикторностью) и противоположностью (контрарностью). При этом противоречивые утверждения не совпадают ни по истинности, ни по ложности, *но в то же время противоположные утверждения не совпадают по ложности, но могут совпадать по истинности*. Четкое разделение оппозиций, запрет противоречивости (закон противоречия), т.е. одновременного принятия истины и лжи, требование определенности, которое формулируется в законе тождества (запрета на изменения) и законе исключенного третьего (сведение выбора до двух альтернатив) – «все это вместе гарантирует логичность – последовательность и непротиворечивость рассуждений, создает основу для косвенных доказательств от противного» (Герасимова, 2006: 97) в рамках перформативного композитного образования.

Очевидно, что принципы классической логики в функциональной деятельности субъекта по структурированию мира (создание новой реальности в коммуникативно - социальных отношениях) наиболее действенны там, где доминируют конструктивность и конвенциональность (соглашение об употреблении тех или иных терминов и термов). Причем, в большинстве ситуаций определенность (классика, однозначность) дополняет неопределенность (неклассика, многозначность). Неопределенность возникает как по объективным причинам в силу неполноты информации, так и по субъективным – из-за множественности «порой противоречивых желаний и неукротимой активности воображения, которые порождают сомнения» (Герасимова, 2006: 97; ср. также высказанную ранее мысль У. Воррингера (Worringer, 1967: 86) о «спазматической чувственности» человека, о его «утонченной истерии»). В любом случае неопределенность ведет к выстраиванию возможных положений дел, моделирование которых прекращается при необходимости принятия решения, выборе или действии. И уже *в акте выбора идет сужение альтернатив* и предпочтение отдается какой-либо одной из них.

Описанные механизмы перформативного поведения (конструктивной деятельности) языкового субъекта по структурированию мира или какого-то

определенного фрагмента действительности реализуются в процессах выделения категоризационных признаков при фиксации соотношения (взаимодействия) физических тел (предметов) реальности, которые и закрепляются в языковом сознании носителей языка. Фрагмент действительности, как об этом пишет Е.С. Кубрякова (2004: 51–54), – «реальный, воспринимаемый перцептивно, или уже обработанный с помощью языка и полученный человеком в виде дискурса, выделяется его сознанием из потока происходящего, как «фигура на фоне», как отдельная данность...».

При этом «знание образуется вследствие не только отражения мира, но и его интерпретации. Иначе говоря, человек сможет создать объективирующую это знание номинацию лишь в том случае, если он в состоянии дать отражаемому фрагменту мира свое видение, которое формируется несколькими факторами: менталитетом и нормативными установками соответствующего социума, личностными особенностями воспринимающего человека и структурой самой ситуации. Отраженный и интериоризованный фрагмент действительности, ментальная репрезентация «фигуры на фоне» проходит с учетом человеческого фактора, а также требований ситуации или контекста стадии интерпретации, превращается на следующем этапе когнитивной обработки в понятие *versus* «значение» и получает соответствующее имя, которым обозначается ситуация социального взаимодействия и номинируется иллокутивный показатель композитного перформатива.

При этом само имя акта социальной интеракции также указывает и на особенности конструктивной оппозитивности, и на характерные проявления ее диспозиции или когнитивной природы композитного перформатива, выраженного в моделях типа ПЭ + ДСК. Напомним, что понятие диспозиции в конструктивной семантике производно от двух понятий, составляющих основу теории конструкторов в духе Дж. Келли (2000), а именно – конструктора и элемента.

Конструктор, в понимании Дж.Келли, – это субъективное средство, которое человек использует для интерпретации, оценки и прогнозирования

событий окружающего мира, в том числе и поведения, как своего собственного, так и других людей. Следуя сразу за обыденными представлениями, конструкт как особый тип понятия является во многих случаях необходимым шагом развития научных взглядов от обыденного понимания действительности через понятия к категориям, от описательного отражения действительности к построению теоретических систем. В самом названии «конструкт» отражено то обстоятельство, что это средство сконструировано самим человеком.

Одной из главных и, пожалуй, универсальных характеристик конструкта является его биполярность, т.е. конструкт имеет два полюса действительности, проявляющихся в повсеместном наличии противоположностей, например: лад и разлад у конструкта «утешение», исполнение – неисполнение / наказание у конструкта «директив», «комфорт – дискомфорт» у конструкта «менасив», равно как хороший – плохой, низкий – высокий, большой – маленький в оценке конструкта «человек», «феномен – контрфеномен», «свойство – контрсвойство». Очевидно, что Дж. Келли противопоставляет конструкт, как смысловую единицу, понятию. Однако в нашем случае вряд ли следует делать подобное противопоставление, поскольку перформативные композиты, как об этом говорилось выше, представляют собой единый смысловой и конструктивный комплекс, т.е. перформативный коммуникативный конструкт суть когнитивно-дискурсивное образование.

Если формально следовать логической традиции, то *конструкт* представляет собой определенный когнитивный тип отношений между понятиями – антонимами, в том числе и тип противодействующих друг другу по векторной направленности, но обусловленных между собой отношениями синергичной общности (говорящий – слушающий, адресант – адресат, субъект действия – объект воздействия, ведущий – ведомый и др.) между интерактантами социально - коммуникативного взаимодействия. Этот тип отношения понятий в логике называется противоположностью или *контрарностью*. Данный тип отношений предполагает, что кроме понятий-антонимов существ-

вует, по крайней мере, еще одно среднее понятие, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Другими словами, **отношение противоположности предполагает континуальность**, например, в директивах – приказ и просьбы, а между ними как среднее (нейтральное) звено – указание.

Примечательно, что эта мысль созвучна с идеей существования «среднего стандартного языка как абстрактного объекта, *искусственного инструмента, которым никто не пользуется ни для общения, ни для выражения собственных мыслей, ни для того, чтобы завладеть ситуацией, ни для шуток, то речь идет о некоем среднем абстрактном языке, вымышленном и мыслимом в терминах нормы*, а не в терминах регулярности, свойственной языку-объекту» (Робен, 1999: 189; см. содержание «полемической программы» социолингвистической критики П. Бурдьё: Бурдьё, 1983; а также: Бурдьё, 2001).

Таким образом, **конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это контрарный тип отношения понятий**. Примечателен тот факт, что **каждый конструкт применим не ко всем объектам, а только к некоторым из них**. Последние называются элементами. Например, конструкт размера «высокий – низкий» может быть применен к домам и людям, но он не применим к погоде или насекомым. Или конструкт «приказ» или «совет» применим только к людям как членам социума, в которых признаются нормы и правила поведения, но не к предметам реального мира.

Вообще для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы. Конструкты, которые применяются для описания автомобилей, животных или людей различаются как по составу, так и по содержанию. Поэтому **вербальные ярлыки (имена интерактивных ситуаций, типовых сценариев жизнедеятельности) типа «просьба, приказ, совет, извинение, крещение» наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне определенной области**. То есть тогда, когда конструкт применяется к какому-либо классу однородных объектов. *Высокий дом – это одно, высокий че-*

ловек – другое, а *высокая цель* – третье. Содержание конструкта определяется его смысловыми связями с другими конструктами, описывающими тот же самый класс объектов.

В этой связи следует особо обратить внимание на *неразрывность связи конструкта с теми элементами, для описания которых он предназначен*. В когнитивном плане наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде определенного конструкта являются *модальности Я* говорящего субъекта как когнитивного агента, т.е. такие многообразные оттенки самовосприятия человека и предметов реального мира, которые можно выделить либо в самоописаниях ответов на вопрос: *Что ты делаешь?* (вижу большой дом; ощущаю большой ливень и т.п.), либо в невозможности осуществить такое самописание ввиду совершения в момент говорения самого действия.

Как и другие элементы, каждая *модальность Я* имеет вполне определенное местоположение на векторном континууме конструкта. Это легко схематизировать и, как правило, не трудно вербализовать. Обычно в речи и в самоописаниях встречаются высказывания, в которых звучат одна, реже – две, совсем редко – три и почти никогда – четыре и более модальностей. Однако это не означает, что они не существуют и не оказывают влияния на поведение говорящего субъекта, выражающего модальность при помощи *Я* – конструкций.

Диспозиция *модальностей Я* – это одновременная проекция нескольких *модальностей Я* на векторном континууме конструкта. Если суммировать приведенные выше высказывания и их схематизацию, то можно получить как раз то, что и называется диспозицией с точки зрения перформативного поведения когнитивного агента как говорящего субъекта и когнитивного агента: «Я стал более информированным, чем раньше, но еще не таким, каким мне хотелось бы быть, чтобы узнать все свойства объекта моего познания или свойства возникших отношений в новой коммуникативной реальности социальной интеракции».

Не следует думать, что в этом общем определении представлено все содержание диспозиции, связанной с параметрами «большее знание – меньшее знание» конструкта «перформативное действие». В идеале диспозицию составляют все без исключения *модальности Я* когнитивного агента как говорящего субъекта, в том числе и (возможно) не открытые еще в науке (например, в психологии). Не следует также думать, что диспозиция – это всего-навсего суждение когнитивного агента о себе познающем. Суждение может быть ложным, а *диспозиция* всегда *истинна*. Она такая, какая есть, и какой она только и может быть в рамках перформативного поведения, заданного (определяемого, каузируемого) иллокутивными параметрами типового конструкта. Совокупность этих параметров и совокупность возможных (обусловленных) истинных проявлений *модальностей Я* формируют (создают) иллокутивный объем типового конструкта, представленного в менатльном пространстве говорящего индивида в виде некоторого гештальта или фрейма, когда любое проявление такой модальности (в виде реальной дискурсивной перформативной практики) можно рассматривать лишь «проявлением на фоне» конструкта как гештальта. Однако здесь возникает вопрос, который заключается в том, чтобы научиться выявлять ее. Например, мошенник подает себя с самой выгодной стороны, но его высказывание о себе «*Я* клянусь, что *Я* честный человек» и то, что он на самом деле думает о себе, – далеко не одно и то же. К сказанному следует добавить, что в структуру диспозиции модальности *Я* могут входить также представители (т.е. участники социальной интеракции с различным ролевым репертуаром) и сопутствующие конститuentы социального окружения. При этом важно иметь в виду, что для каждого из названных представителей найдется место между полюсами конструкта (Романов, 1988; 2020; Малышева, 2018; Романов, Малышева, 2011; Романов, Новоселова, 2021; 2022; Романова, 2021).

Нетрудно представить, что если мы на этом же конструкте отметим местоположение точек, соответствующих *Я* когнитивного агента как говорящего субъекта (какими знаниями я обладаю сейчас о предмете и отношениях

между субъектом и объектом, на которого направлено речевое действие, и какими эти отношения могут быть после реализации речевого действия) и Я фантастического когнитивного агента (какими знаниями я буду обладать о предмете и наших социально-коммуникативных отношениях через некоторое время, например, после выражения иллокутивных параметров типового конструкта), и рассмотрим их на фоне социального окружения, то содержание диспозиции еще более расширится.

Таким образом, в структуре диспозиций *модальностей Я* любого перформативного композита (перформативного *Я*-дискурса) выявляются следующие компоненты: **1)** конструкт, **2)** *модальности Я* когнитивного агента как говорящего субъекта с системой отношений к участникам социальной интеракции и **3)** представители социального окружения, как их воспринимает субъект познания как когнитивный агент.

Как таковая, диспозиция *модальностей Я* в объеме её интенсивной глубины обычно не осознается (т.е. не воспринимается) человеком. Вместе с тем, в процессе реализации тех или иных диспозиций каждый раз человек сталкивается с некоторым *интегральным фоном* (гештальтом, типовым сценарием), в котором временами могут более отчетливо выступать отдельные *модальности Я* когнитивного агента. Этот интегральный фон самовосприятия может оставаться постоянным или может меняться в зависимости от местоположения (сценария типового взаимодействия) аспектов *Я* на континууме типового конструкта.

Каждая диспозиция имеет тенденцию проявляться в когнитивном, обыденном и перформативном поведении вполне определенным образом в виде той или иной перформативной практики. Причем внешний рисунок (манифестационная конструктивность) и вербального, и невербального поведения достаточно точно отражает взаиморасположение *модальностей Я* когнитивного агента: приказ – обязательное следование приказу по определенному сценарию, а совет – не обязательное следование совету и не обязательно придерживаться ритуальной специфике совета; ср. также и с предмет-

ным миром и их оценкой: гранит – камень твердый, а малахит – камень мягкий и т.п. Достаточно одной из модальностей изменить свое местоположение на континууме конструкта, как поведение и эмоции резко меняются.

Поскольку каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту, то появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций, осуществив тем самым переход от анализа индивидуального сознания к анализу Я - концепции когнитивного агента в перформативном поведении. Интерпретация связей диспозиции отличается от интерпретации корреляционной связи между конструктами. Понятие положительной и отрицательной корреляционной связи теряет свое непосредственное значение, трансформируясь в понятие противоречивого или непротиворечивого самовосприятия по условиям перформативного характера проявления (в виде перформативной дискурсивной практики) *модальности – Я*.

Механизм интерпретации связей диспозиции описывает А. Анастаси следующим образом: «... конструктивная валидность предполагает постепенное накопление информации из разных источников. В дело идут любые данные, бросающие свет на природу рассматриваемого свойства, на условия, от которых зависит его развитие и проявление» (Анастаси, 1982: 140–141). Другими словами, прямое доказательство конструктивной валидности требует накопления информации и теоретического обобщения результатов описания рефлексивной деятельности когнитивного агента при использовании им своего истолкования связей между участниками социально-коммуникативной интеракции, вещами мира в их целостном восприятии. После обозначения основных позиций конструктивной деятельности говорящего субъекта как когнитивного агента, необходимо отметить определенные изменения, происшедшие в рассматриваемом криптоклассе перформативных композитных образований в течение периода реализации их типовых иллокутивных потенциалов.

Ссылки – References in Russian

Анастаси, 1982 – *Анастаси А.* Психологическое тестирование. Т. I. – М.: Педагогика, 1982. – 320 с.

Артемьева, 1999 – *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 129 с.

Беннет, 2001 – *Беннет Дж.Г.* Элементарная систематика. Изучение Эннеаграммы. – М.: Москва, 2001. – 194 с.

Бурдые, 1983 – *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1983, № 1/2. – С. 49–62.

Бурдые, 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл: Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. – 285 с.

Вендлер, 1985 – *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238–250.

Герасимова, 2006 – *Герасимова И.А.* Принцип двойственности в когнитивных практиках // Вопросы философии. – 2006, № 3. – С. 90–101.

Делёз, 1995 – *Делёз Ж.* Логика смысла. – М.: Изд. Центр "Академия", 1995. – 298 с.

Келли, 2000 – *Келли Дж.* Психология личности. Теория личных конструкторов. – СПб.: Речь, 2000. – 186 с.

Малышева, 2018 – *Малышева Е.В.* Вербально-тактильный композит в коммуникативном пространстве диалога // Научный журнал «Дискурс-Пи». Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018, №1 (30). – С. 24–28.

Кубрякова, 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.

Робен, 1999 – *Робен Р.* Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серрио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 184–196.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: с примерами из русского и немецкого языков. – М.: ЛЕНАНД / URSS, 2020. – 264 с.

Романов, Малышева, 2011 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Комплексные вербально-авербальные конструкты как дискурсивные практики социальной интеракции // *Функциональная лингвистика. Научный журнал.* – Крым: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. Т.2. – 2011, № 2. – С. 163–165.

Романов, Новоселова, 2021 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкты предвыборной дискурсии. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Новоселова, 2022 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурс угрозы как стратегический ресурс предвыборной коммуникации // *Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс: Коллективная монография / Под общ ред. В.И. Заботкиной.* – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 187–227.

Романова, 2006 – *Романова Л.А.* Модель личностного мира внутренних состояний, представляющих сферу «Я» говорящего в жизненных сценариях // *Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: Акмеология образования.* – 2006. – Т. 12, № 4. – С. 63–65.

Романова, 2007 – *Романова Л.А.* Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: Ин-т яз. РАН, 2007. – 120 с.

Романова, 2021 – *Романова Л.А.* Коммуникативный конструкт как единица семантического комплекса композитных перформативов // *Дискурс в социокультурном пространстве: коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации: сб. научн. тр. / отв. ред. проф. Л.А. Романова,* 2021. – С. 298–309.

References

- Anastazi, A. (1982) *Psichologicheskoe testirovanie*. T.I, M., Pedagogika, 320 p. (In Russian)
- Artem'eva, E.Ju. (1999) *Psichologija subektivnoj semantiki*, M., MSU, 129 p. (In Russian)
- Bennet, Dzh.G. (2001) *Jelementarnaja sistematika. Izuchenie Jenneagrammy*, M., Moscow, 194 c. (In Russian)
- Burd'e, P. (1983) Rynok simvolicheskoy produkcii // *Voprosy sociologii*. № 1/2, pp. 49–62. (In Russian)
- Burd'e, P. (2001) *Prakticheskij smysl*, SPb., Aleteja, M., Institut jeksperimental'noj sociologii, 285 p. (In Russian)
- Deljoz, Zh. (1995) *Logika smysla*, M., Izd. Center "Academy", 298 p. (In Russian)
- Gerasimova, I.A. (2006) Princip dvojstvennosti v kognitivnyh praktikah // *Voprosy filosofii*, № 3, pp. 90–101. (In Russian)
- Kelli, Dzh. (2000) *Psichologija lichnosti. Teorija lichnyh konstruktov*, St Petersburg, Rech, 186 p. (In Russian)
- Malysheva, E.V. (2018) Verbal'no-taktil'nyj kompozit v kommunikativnom prostranstve dialoga // *Scientific Journal «Discourse-Pi». Institute of Philosophy and Law of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences*, №1 (30), pp. 24–28. (In Russian)
- Kubryakova, E.S. *Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira*, M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 555 p. (In Russian)
- Roben, R. (1999) Analiz diskursa na styke lingvistiki i gumanitar-nyh nauk: vechnoe nedorazumenie // *Quadrature of meaning: French school of discourse analysis*, M., Progress, pp. 184–196. (In Russian)
- Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Russian Academy of Sciences of the USSR, 183 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmaticheskaja model' rechevogo upravljenija dialogom: s primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov*, M., LENAND / URSS, 264 c. (In Russian)

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2011) Kompleksnye verbal'no-averbal'nye konstrukty kak diskursivnye praktiki social'noj interakcii // *Functional linguistics. Scientific Journal*, Crimea, Crimean Republic-Lycan Institute of post-graduate pedagogical education. T.2, № 2, pp. 163–165. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii*, M., Flinta, 440 c. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2022) Diskurs ugrozy kak strategicheskij resurs predvybornoj kommunikacii // *Sociocultural threats: reality, mental models and discourse: Collective monograph*, M., Publishing House JaSK, pp. 187–227. (In Russian)

Romanova, L.A. (2006) Model' lichnostnogo mira vnutrennih sostojanij, predstavljajushhij sferu «Ja» govorjashhego v zhiznennyh scenarijah // *Vestnik of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, Akmeology of Education*, 12, № 4, pp. 63–65. (In Russian)

Romanova, L.A. (2007) *Konstruktivnaja semantika kriptoklassa anglijskih prilagatel'nyh razmera v diahronii i sinhronii*, M., Institute of Linguistics RAS, 120 p. (In Russian)

Romanova, L.A. (2021) Kommunikativnyj konstrukt kak edinica semanticheskogo kompleksa kompozitnyh performativov // *Discourse in the sociocultural space: communicative mechanisms and mental structures of its representation: a collection of scientific works*, pp. 298–309. (In Russian)

Vendler, Z. (1985) Illokutivnoe samoubijstvo // Ex. 16. *Linguistic Pragmatics*, M., Progress, pp. 238–250. (In Russian)

Worringer, W. (1967) *L'Art gotique*, Paris, PUF, 174 p.